

ДАТА

Он называл себя Веничкой

24 октября автору знаменитой
книги «Москва - Петушки»

Венедикту Ерофееву
исполнилось бы 65 лет

- К нам на филфак он попал из Коломенского «педа», откуда был выдворен за нестандартность облика, мышления и поведения или, как сам говорил, за несоответствие ГОСТу... - вспоминает его однокашница по Орехово-Зуевскому пединституту Лидия Жарова. - Кем только не приходилось ему работать, вернее, подрабатывать ради куска хлеба: истопником, помощником каменщика, библиотекарем, бурильщиком, заведующим цементным складом, лаборантом паразитологической экспедиции... Дороги, запои, случайные знакомства, неприятные ночлеги... С какой-то обреченной бесприютностью он называл себя в шутку вечн странствующим и алчущим монахом «Венедиктинцем».

Он появился в нижних комнатах старенького нашего общежития на Застройной внезапно, видимо, уже поздней осенью, ибо был в долгополом темном пальто, белых носках и, за неимением приличествующих ботинок, в галошах. Его появление произвело фурор. Во внешности было что-то от мятущегося Блока (в его запойный период), от бунтующего Маяковского, от немногословного, иронического нигилиста Базарова. Весь он был какой-то нездешний - высок ростом, прекрасен ликом, изящен и даже, черт возьми, по-светски респектабелен в своей более чем поношенной одежде... В нем были шарм, ум, благородство, очевидное внутреннее наполнение, обаяние молчания, в нем была порода, наконец. Это виделось невооруженным глазом. Никто из наших ребят не мог таким неподражаемым жестом подносить сигарету к лицу: удлинённая кисть руки, длинные пальцы придавали особое очарование его скупой жестикуляции. Никто не был так загадочен и непонятен, как Ерофеев.

... Я знаю, что он начинал работу (пьесу? драму? повесть?) под названием «Тушинский вор, или Второе Воскресение». Об этом никто нигде не упоминал. Сюжет - начало XVII века, время Бориса Годунова, Василия Шуйского, герой - второй Лжедмитрий.

Что-то мне удалось подсмотреть в его тетради, исписанной ровным мелким почерком с характерным отделением одной буквы от другой. Помню, поразил не только почерк (как одиноки были несоединенные друг с другом буквы!), но и манера изложения - для каждого персонажа своя. Помню, как Дмитрий (в отчаянии?) пытался отравить себя водкой, помню, с каким убийственным презрением была подана изменившая первому Дмитрию Марина Мнишек... Остальное - смутно. Костомаров, Соловьев, Валишевский тогда не были нам доступны, но Венька где-то что-то доставал. Именно он дал нам прочитать запрещенных Мандельштама, Солженицына...

Может быть, эта его работа где-то сохранилась? Или затеряна? Хочется надеяться, что рукописи не горят. Кто мог тогда думать, что Венька будет так известен!..

...Когда всех первоклашек записывали в октябрят, он гордо заявил учительнице: «Я не хочу, как все».

Жизнь его, действительно, сложилась не как у всех...

Записала Ольга КУЧКИНА.